

ТОТАЛИТАРИЗМ и тоталитарное сознание

вып. 2

**Томский областной антифашистский комитет
ТОМСК — 1998**

В.С. Шутков

Сомнения в теории тоталитаризма

С момента издания работ Х.Арендт (1951 г.) и К.Фридриха и З.Бжезинского (1956 г.), впоследствии признанных классическими исследованиями по тоталитаризму, не прекращались попытки опровергнуть как отдельные их положения, так и логику в целом. Если отбросить «сомнения», заданные идеологической предвзятостью и политической ангажированностью, то останутся сомнения, вполне естественные и уместные в научном дискурсе. Именно такие сомнения инициируют критику, проверяющую логику концепций тоталитаризма, а ее результатом может быть либо опровержение, либо усовершенствование теоретических подходов.

Определяя тоталитаризм, Х.Арендт использовала ряд подходов: во-первых, она связывала тоталитаризм с особым типом поведения, основанным на возможности изменения поведения других людей; во-вторых, обращала внимание на использование определенных средств, в частности, насилия, террора для создания и поддержания политической системы; в-третьих, выявляла специфику «массового» общества; в-четвертых, выделяла структуру властных отношений, анализируя специфику структурных элементов, их роль и функции. Все эти методы объединяются у Х.Арендт историко-генетическим подходом, позволяющим проследить развитие элементов, которые в определенном сочетании и образовали тоталитаризм.

Система «тотального господства», т.е. «постоянное подчинение каждого отдельного индивида во всех сферах жизни» — это тоталитаризм, это «форма правления, сущностью которой является террор и принципами действия которой является последовательность идеологического мышления»¹. Главной функцией террора в тоталитарной системе является вызываемый им всеобщий страх, являющийся главным стимулом для подчинения и основным условием для существования системы. Сам террор поэтому является тотальным, особым, уникальным. Такой террор обладает следующими характеристиками: массовость и массовая поддержка, постоянство и методичность, вседесущность, безличность (анонимность) и неотвратимость.

Поскольку главной функцией тоталитарного террора является производство и поддержание страха, то он направлен

не столько на врагов, сколько на тоталитарную массу, и не зависит от таких категорий, как право, вина, преступление, польза, целесообразность. Поэтому он часто кажется исследователям (как и исполнителям, и жертвам) непостижимым, бессмысленным, «нефункциональным». Он носит безличный характер, направлен на идеологическую мишень, а стать такой мишенью может в любой момент каждый по воле вождя, олицетворяющего безграничную террористически-репрессивную власть.

Т.о. тоталитаризм в своей основе имеет идеологическую операцию превращения индивидуального (конкретной вины) во всеобщее и даже универсальное (определенные категории людей — классы и/или нации — порочны и заслуживают наказания). Такая операция необходима для запуска механизма массовых репрессий, но их главной целью является самовоспроизводство и развитие режима, сохранение и укрепление власти тех, кто этот режим олицетворяет. Вина людей массы состоит в том, что они являются носителями идеи «необходимости» уничтожения определенных групп по идеологическим мотивам и поэтому сознательно становятся и орудием, и жертвой тотального террора. Именно масса рождает тоталитарные движения, которые претендуют на нацигосударственную, абсолютную власть и на превращение государства в один из инструментов тотального господства. Сверхзадача тоталитарного государства — уничтожение свободы и даже вообще человеческой спонтанности для создания такого человека, который воплотил бы «закон Природы или Истории»².

Тоталитаризм не может существовать без массовой поддержки. Массу же Х.Арендт считает специфическим явлением XX в.: масса возникла вследствие разложения общественных классов, разрушения партийной системы и национального государства XIX в. Масса в XX в. впервые заявила свои претензии на активную роль в политике, выдвигая и поддерживая своих вождей. Идея о том, что масса является носителем и опорой тоталитаризма, — одна из центральных в концепции Х.Арендт, которая развивала традицию критики «массового общества», идущую в XX в. от Х.Ортеги-и-Гассета и К.Ясперса.

Х.Арендт выделяет два типа тоталитаризма — диктатуру национального социализма после 1933 г. и диктатуру большевизма с 1929 г.³, которые окончились с исчезновением тоталитарного террора. Хронологические рамки нацизма она ограничивает смертью Гитлера, а сталинизма — смертью Сталина, после которой СССР вступил в этап однопартийной диктатуры⁴. Итальянский фашизм она считала нетоталитарным, режим до 1929 г. в СССР также нетоталитарной однопартийной диктатурой. Нацизм и сталинизм Х.Арендт рассматривает как явления одного порядка: единственное

отличие между ними — разные «основы их идеологических апелляций — раса и социализм»⁵.

Коллективизацию, пятилетки и другие подобные меры в СССР Х.Арендт расценивала как средство трансформации классов в разобщенную «бесструктурную массу», наличие которой является главным условием тоталитаризма, а «поток взаимных доносов» был, как она подчеркивает, сознательно инициирован Сталиным для укрепления своих позиций в качестве тоталитарного руководителя⁷. Террор, страх, доносы, чистки порождают нестабильность, которая «является функциональной необходимостью для тотального господства, базирующегося на идеологической фикции... Отличительный признак такой системы заключается в том, что основные силы, материальная мощь и благосостояние страны постоянно приносятся в жертву власти определенной организации точно так же, как все фактические истины приносятся в жертву требованиям идеологической последовательности»⁸.

Самые настойчивые претензии, сформулированные в отношении концепции Х.Арендт, заключаются в том, что она допускает крайнее противопоставление целей и способов самовоспроизводства и самосохранения политической власти, с одной стороны, и общества — с другой. Х.Арендт уклонилась от исследования связи тоталитаризма с задачами внутренней модернизации, допустила ряд спорных утверждений о целенаправленном создании бесструктурной массы⁹. Кроме того, критикуются такие слабости ее исходных посылок, как преувеличение «идео-логики» в системе отношений «вождь-харизматик» — «масса» и отсутствие в структуре исследования такого элемента, как «тоталитарная бюрократия», — ее свойств и организационных принципов, ее роли¹⁰.

Р.Барроус, например, писал, что анализу Х.Арендт свойствен «образ мышления, который она наиболее осуждает, — логичность идеологического мышления», поэтому образ тоталитаризма («фиктивного, беспорядочного» мира) «не отражает реальность даже на уровне идеальной типизации» и бесполезен для сравнительного анализа политических систем. Метод аналогий, отрыв политики от экономики, пренебрежение взаимосвязью между тоталитаризмом и быстрой и радикальной модернизацией большинства аспектов советского общества привело Х.Арендт к «экзотическим и фантастическим выводам», что главной отличительной чертой тоталитаризма является террор, который не носит утилитарного характера и не отражает утилитарных мотивов или личной заинтересованности руководителей; что концлагеря являются центральным институтом тоталитарной власти; что агрессивность СССР является следствием динамики развития тоталитаризма от «незавершенной» к «завершенной» форме («завершенность» — превращение всего мира в концлагерь);

что существуют только две формы тоталитаризма: что гитлеровская и сталинская диктатуры идентичны; что итальянский фашизм и другие современные классовые или партийные диктатуры, включая те, которые возникли из тоталитарных движений, не являются тоталитарными¹¹.

Теория Х.Арендт вскоре после выхода ее книги была развита и дополнена группой авторов, объединенных вокруг К.Фридриха¹², и особенно в совместно написанной К.Фридрихом и З.Бжезинским книге, содержащей наиболее полное изложение их версии тоталитаризма¹³. Тоталитарную диктатуру они определяли с помощью «синдрома» — системы шести взаимосвязанных элементов-характеристик. Их анализ тоталитаризма в принципе совпадал с анализом Х.Арендт, однако, они также заостряли внимание на технологических факторах («современные средства борьбы и пропаганды») и, кроме того, на влиянии террора на саму правящую элиту и роли ее идеологически мотивированного стремления тотально переустроить человека и общество¹⁴. Так, они подчеркивали, что насилие, репрессии, чистки являются выражением решимости и энергии тоталитарного движения, а не показателем его разрушения или распада. Чистки проводятся в периоды относительной стабильности и направлены на предотвращение организации политических сил, могущих ограничить власть тоталитарного руководства. Абсолютная власть тоталитарного режима ведет к его изоляции от общества: изоляция порождает опасность; опасность — подозрения и страх; подозрения и страх — насилие¹⁵. Поэтому интенсивность и масштабы террора увеличиваются по мере укрепления системы¹⁶. В работе З.Бжезинского и Х.Фридриха уже в 1956 г. намечена, хотя и неявно, отличная от оценки Х.Арендт характеристика функций тоталитарного террора: решение не только политических, но и социальных проблем особыми методами.

Если Х.Арендт не согласна с теорией, утверждающей, что террор в конце 20-х и в 30-х гг. был «высокой платой страданиями» за индустриализацию и экономический прогресс¹⁷, то З.Бжезинский в 1962 г. утверждал, что «террор является следствием и инструментом революционной программы»¹⁸, и тоталитаризм характеризуется «институционализированной революцией»¹⁹. Т.е. З.Бжезинский сомневался в том, что тоталитаризм является уникальным только в смысле революции в методах установления и удержания власти (террор). Тоталитаризм уникален также в смысле революции в целях социального развития (тотальное переустройство общества). З.Бжезинский пытался объяснить тоталитаризм как попытку политической элиты осуществить переход от доиндустриального, примитивного общества к индустриальному, используя специфическую «возможность тотального политико-социального конформизма общества».

Такой переход, по его мнению, может проходить с любой жестокостью и интенсивностью, если общество отстало от других в процессе модернизации. В таком случае создание нового политического порядка может быть увязано с быстрым социально-экономическим и техническим развитием²⁰. В СССР руководители хотели доказать правильность марксизма, но это желание наталкивалось на серьезную отсталость промышленного развития России. Кроме того, в «технологическом» веке промышленность является основой национальной власти. Поэтому индустриализация была навязана силой, невзирая на ее стоимость: «террор 30-х годов был функционально разумным, хотя и имел иррациональные отклонения», которые «некоторые теоретики... склонны переоценивать». В результате индустриализации в СССР «был сделан огромный социальный сдвиг», «открылись беспрецедентные возможности для быстрого развития»: «тотальная революция» «не только стимулировала негативные реакции одних, она апеллировала к воображению и собственному интересу других». З.Бжезинский пишет: «Общество, подвергнутое такой тотальной социальной и экономической революции, имело только две политические альтернативы: анархию или тоталитарный контроль. Дисциплинированное и воинственное тоталитарное движение обеспечило последнюю альтернативу»²¹. Х.Арендт, напротив, полагает, что ИЭП, как ее инициировал В.И.Ленин, это «очевидная альтернатива захвату власти Сталиным и трансформации однопартийной диктатуры в тотальное господство»²².

К.Фридрих и З.Бжезинский объясняли возникновение тоталитаризма в России и в Германии беспрецедентными политическими ситуациями и совпадением многих факторов. Это «многофакторное» объяснение у них призвано преодолеть односторонность «примитивной теории плохого человека» и концепции «морального кризиса нашего времени»²³. Однако, утверждая, как и Х.Арендт, тезис об исторической уникальности тоталитаризма, они в то же время строили свои выводы относительно его динамики не на основе критерия тоталитарного террора, подобно Х.Арендт, а на основе аналогий с автократическими режимами прошлого («определенные автократии в прошлом показали экстраординарную способность к выживанию»; такие автократии «обычно усиливались в течение продолжительного времени»; «некоторые из них не были стабильными, но были длительными», они «погибали, как правило, вследствие иностранных вторжений» и т.п.)²⁴. Такая методология и основанные на ней выводы, конечно, не могли не вызывать сомнений и критики.

Спорен был и вывод З.Бжезинского о том, что «замена террора индоктринацией» при Н.С.Хрущеве отражает то обстоятельство, что «современное индустриальное общество дает партии даже еще более утонченные орудия социального

контроля» для «проведения длительной мобилизации населения»: «Чем более современно и развито общество, тем более оно податливо. Террор и насилие могут быть необходимы, чтобы быстро изменить примитивное общество. Убеждение, индоктринация и социальный контроль могут сработать более эффективно в относительно развитых странах»²⁵.

В противоречии с выводом Х.Арендт (смерть Сталина и прекращение тоталитарного террора означают «подлинный, хотя и неоднозначный процесс детоталитаризации»²⁶) находится вывод З.Бжезинского, опирающийся не на критерий тоталитарного террора, а на критерий однопартийной монополии на государственную власть: партийный аппарат контролирует «технократов и бюрократов» и «в состоянии эксплуатировать... свою способность связать процесс идеологической индоктринации с технической модернизацией общества, которая стала общепризнанным благом в наше время». (Напомним, что Х.Арендт считала, что «массовая поддержка тоталитаризма не происходит ни из невежества, ни из процесса промывания мозгов»). З.Бжезинский, однако, настаивал, что в СССР «средства, которые были употреблены при модернизации, ... оказывают влияние на долгосрочную модель развития» и хотя система при Хрущеве отличается от системы при Сталине, «обе они тоталитарные», поскольку при Хрущеве «партийные секретари, не игнорируя важной роли, которую играет бюрократия, ... захватили выработку политики в свои руки», усилили свое влияние на массы, и при этом «правление одного человека остается нормой»²⁷.

К.Фридрих и З.Бжезинский не считали фашизм и коммунизм полностью идентичными, но утверждали «достаточную схожесть для их объединения и противопоставления не только конституционным системам, но и различным формам автократий в прошлом»²⁸. Х.Арендт настаивала на различии в развитии фашистских и коммунистических систем этапов однопартийной диктатуры и тоталитарной диктатуры²⁹, что позволяет, как нам кажется, глубже проникнуть в динамику диктаторских режимов, ибо критерий тоталитарного террора обладает характеристиками качественного анализа, в то время как «тоталитарный синдром» К.Фридриха и З.Бжезинского довольно статичен и концентрирует внимание на внешних признаках политической системы и их количественной полноте.

Исследования Х.Арендт привлекают тем, что она выявляет историческую вину и масс, и правящих классов за формирование предпосылок тоталитаризма, ограниченность политической культуры и институтов XIX в., которые не позволили справиться с угрозой тоталитаризма, предотвратить его наступление. В то же время ее акцентировка «фиктивности», «иррациональности» гитлеризма и сталиниз-

ма, вытекающая из логики ее исходных посылок, была использована западной пропагандой для обоснования «холодной войны» в 50–60-е гг., после смерти Сталина и прекращения тоталитарного террора. Логике К.Фридриха и Ж.Бжезинского можно упрекнуть в том, что основанные на ней выводы относительно советской системы после смерти Сталина также стимулировали «холодную войну». Х.Арендт подчеркивала в июне 1966 г., что антикоммунизм, эта официальная контридеология «холодной войны», «побуждает нас к соблазну создать свою собственную фикцию», которая не позволяя «отличить разнообразные коммунистические однопартийные диктатуры, которым нам действительно приходится противостоять, от аутентичного тоталитарного правления...»³⁰

Непреодоленность методологических сложностей наряду с идеологизацией выразилась в двух упрощенных логических подходах. Один из них базировался на некоторых положениях классической теории тоталитаризма, а другой — на их отрицании. Первый акцентировал различия между демократическими и диктаторскими режимами, возникшими в 1917–1939 гг. в Восточной, Центральной и Южной Европе, другой сосредоточился на поисках сходства между демократическими режимами и диктатурами, между диктатурами и «так называемыми тоталитарными режимами». Первый, акцентируя различия между демократиями и фашистской Италией, нацистской Германией и СССР, затушевывал заметное сходство режимов в этих и в демократических странах, а также сходство «тоталитаризма» с другими формами тирании и угнетения. Для второго же подхода характерны выводы, что тоталитаризм может существовать без террора, без «фюрерства» или «культа личности»; что он совместим с существованием групп интересов, представленных в верхних эшелонах власти, и с влиянием общества на лидера, деятельность которого поэтому имеет не только «вертикальное», но и «горизонтальное» измерение; что, как и в демократических странах, первое лицо вынуждено бороться и за поддержку общества, и за поддержку лидеров заинтересованных групп.

Сторонники второго подхода не без оснований утверждали, что образ первого лица как единоличного правителя — фиктивный образ, не характеризующий реальную сущность системы: он создается правящей партией для определенных целей, для того, чтобы скрыть разногласия внутри политической элиты и избежать апелляции недовольных режимом к той или иной группе внутри правящей партии. Планирование представители этого подхода считали не результатом проникновения тоталитарных структур во все сферы, а удобной формой соглашения держателей экономической власти. Положительным во втором подходе является то, что демократические и недемократические режимы можно рас-

смагивать в одной системе категорий: в обоих типах систем лидеры борются за поддержку определенных групп населения, выдвигая различные идеологии и программы, ведут между собой торг, согласовывают интересы и стремятся создать работоспособную организацию.

Различие же демократических и недемократических режимов состоит как раз в том, что в недемократических обществах властью владеют лидеры, чьи принципы рассчитаны на привлечение только незначительной части населения. Именно опора на меньшинство при управлении задает режиму все остальные характеристики, отмеченные в концепции тоталитаризма: четкое отделение правящего меньшинства от остального общества, компенсация малочисленности высокой дисциплиной, переориентация привязанностей меньшинства с родных, близких и друзей на лидера, олицетворявшего «родную партию», «Родину-мать», «пролетарское отечество», т.е. смыслы и идеалы, заменяющие смыслы и идеалы, связанные с обществом. Насилие играет в этом случае функцию создания и поддержания вышеуказанных характеристик. Как указывает Р.Д. Андерсон, наибольшую пользу партии-государству приносили не страдания жертв, а влияние насилия «на самих атакующих». Всем системам, где управляет меньшинство (не только тоталитаризму), присущи также «официальный образ» власти, соединяющий в себе лживый культ единоличного харизматического лидера, чтобы не спровоцировать общество на поддержку какой-либо части отнюдь не монолитной политической элиты, и лживые декларации об управлении в интересах большинства. Таким системам присущи и «двоемыслие»: правители, как и подданные, придерживаются взглядов, противоположных «официальному образу» власти, хотя и относятся к нему по-разному³¹.

Подход, сомневающийся в уникальности тоталитаризма, позволяет выявить преемственность между авторитарными, демократическими и тоталитарными режимами, а также установить их подлинную специфику, т.е. уникальность. Ведь наряду с преемственностью есть и существенные отличия. Например, в феодальном обществе принцип разграничения большинства и меньшинства — генеалогический. Но большевики этот принцип отвергли, как и принципы либерально-демократические, при формировании и обновлении правящей элиты, и избрали разграничение с помощью насилия. Эти размышления подводят нас к вопросу о наличии взаимосвязи между тоталитаризмом и кризисом всех и всяческих принципов легитимизации политической власти в обществе. Да, в такой ситуации можно воскликнуть: «Есть такая партия!»

Р.Д. Андерсон считает: обе противоположных логики, основанные на методах поиска сходства, с одной стороны, и

на методах поиска различий, с другой стороны, не могут удовлетворить требования строгого научного анализа. Он настаивает на необходимости концепта, позволяющего учитывать и сходные черты, и различия, и предлагает исходные переменные такого концепта: 1) доля общества, вербующаясь в качестве сторонников политических режимов; 2) содержание принципов, используемых для такой вербовки³².

Мы считаем, что подход, предлагаемый Р.Д.Андерсоном, полезен при уточнении некоторых характеристик тоталитаризма и динамики его развития. Так, разрушение одних принципов легитимности при отсутствии эквивалентной замены рождает вакуум легитимности, в условиях которого только насилие преодолевает «вакуум власти». Однако террор, направленный только на разграничение и вербовку сторонников режима, не является во всех случаях тоталитарным, так же, как и нацеленные на разграничение идеологические принципы. Следовательно, методы, подобные предложенным Р.Д.Андерсоном, могут служить лишь дополнением к некоторым концептуальным идеям классической теории тоталитаризма Х.Арендт, К.Фридриха и З.Бжезинского.

На наш взгляд, концепция должна учитывать такие переменные, как степень тотальности средств и степень тотальности целей. Т.е. тоталитаризм нельзя вполне объяснить, сосредоточившись только на борьбе за власть как таковую, не учитывая ее неполитические, мировоззренческие, социокультурные контексты, проявляющиеся в определенных исторических ситуациях и формирующие специфические черты и фазы политических процессов. На это прямо или косвенно указывают многие исследователи тоталитаризма.

Так, А.Мейер пишет, что коммунизм не является простой рационализацией параноидального стремления к власти и «чистым макиавеллизмом». Коммунизм «не может быть чем-то новым и странным или враждебным для западных традиций, как это кажется многим из нас»³³. Многие системы прошлого, считает А.Мейер, имели «большинство, если не все существенные черты тоталитарного синдрома»; с другой стороны, тоталитарные черты не являются неизбежной или постоянной характеристикой коммунистических стран. Тоталитаризм — специфическая разновидность бюрократической модели (сталинская фаза); а постсталинский период является простой бюрократической моделью.

Тоталитаризм, согласно А.Мейеру, можно объяснить, учитывая «отношения между экономическими целями и политическими системами»: коммунизм XX в. эквивалентен пуританизму XVII в., и основу этой эквивалентности составляют одинаковые цели — обеспечение быстрого экономического роста. По мере достижения этих целей обе системы «смягчаются», становятся более «плюралистическими» и «открытыми»³⁴.

А. Никельс, профессор социологии Гарвардского университета, сущностной характеристикой тоталитаризма считал полное подчинение личности, организаций и общества в целом государству, а государства — тоталитаристам («социальным телеологистам»), поведение которых определяется желанием достичь «иррациональной», «мистической» цели, приверженностью «мистике планируемого и интегрированного монолитного общества». Тоталитарный руководитель рассматривает всех «как простые и необходимые инструменты своего правления», а его помощники руководствуются желанием «обеспечить себе долю власти, которой руководитель наделяет их». В этом тоталитаризм, пишет А. Никельс, схож с нетоталитарными диктатурами. Он подчеркивает также, что хотя беспринципное стремление к власти играет важную роль у современных тоталитаристов, однако именно «мистика цели» определяет аморализм, террор, циничную манипулятивность. Опасно то, что к иррациональной цели тоталитаристы стремятся продвинуться, используя вполне рациональные средства³⁵.

Р. Такер в свое время выдвинул концепцию, позволяющую оценивать тоталитаризм только как вполне определенную фазу «движений-режимов», которые отличаются от других политических систем революционными целями, активным организованным участием масс, однопартийностью и организационным централизмом авангардной партии. Р. Такер выделял три разновидности «движений-режимов»: коммунистические, фашистские и националистические. Переход «движения-режима» в фазу тоталитаризма характеризуется перерастанием однопартийности в «вождизм», что характерно для нацизма и сталинизма. В системе «вождизма» партия подчиняется секретной полиции, а секретная полиция контролируется вождем. Идентифицируя нацизм и сталинизм, Р. Такер писал, что в системе «вождизма» «психопатология руководителя становится движущей силой политического механизма». Поэтому тоталитаризм — это режим, выступающий в качестве «средства удовлетворения нужд параноидного руководителя — личности, психодинамика которой политизирована, т.е. выражена в политических терминах»³⁶. Т.о. некоторые авторы, используя психоаналитические методы, пытаются развить теорию тоталитаризма.

Э. Опочер определял тоталитаризм как однопартийную систему, в которой партократия «закрытой» партии устанавливает одну идеологию и для партии, и для государства, и для общества, устраняя классовое и социальное соперничество и соревнование и отождествляя политическую истину с идеологической догмой³⁷. Стержнем концепции является вопрос об истине и влияние способов его решения на политические режимы.

Э. Дэннелс рассматривал тоталитаризм как попытку контроля над экономическими и другими силами и попытку

изменить ход исторического развития. «Свобода для каждого индивида означает, что общество формируется силами, которые не может контролировать никакая личность», а «политический тоталитаризм противоположен экономической необходимости», которая «действует со статистической регулярностью в решениях большого числа индивидов»³⁸. Здесь проблема тоталитаризма ставится как проблема детерминации общественных процессов, как проблема субъектности такой детерминации.

Подводя итог беглому и во многом фрагментарному анализу сомнений в теории тоталитаризма, можно сказать, что они рождаются комплексностью и сложностью самого явления, его неоднозначностью и противоречивостью, а также неразработанностью системы критериев, позволяющих четко определить тоталитарные компоненты политических процессов и элементов политических систем. Многие сомнения связаны с прямолинейными логиками исследования политических явлений. Сказывается и влияние идеологий и политических интересов на политологические исследования и на использование их результатов. Сомнения стимулируются наличием множества точек зрения и множества моделей тоталитаризма. Это — результат мультипарадигматических подходов в современной политологии. Но такие сомнения позитивны, без них наука приобрела бы догматический и тоталитарный оттенок.

¹ Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. N.Y., 1951. (Второе издание — в 1956 г.). P. 326-374.

² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 528, 461.

³ Arendt H. *Op. cit.* P. 312, 419.

⁴ Арендт Х. Указ. соч. С. 24.

⁵ Arendt H. *Op. cit.* P. 318-319.

⁶ Arendt H. *Op. cit.* P. 318, 319; Арендт Х. Указ. соч. С. 18.

⁷ Арендт Х. Указ. соч. С. 19.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Burrowes R. *Totalitarianism. The Revised Standard Version*. «World Politics». Princeton. 1969. Vol. 21. № 2.

¹⁰ Давыдов Ю.Н. Ханна Арендт и проблема тоталитаризма. // Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 633-637.

¹¹ Burrowes R. *Op. cit.* P. 273-274, 276-280.

¹² Friedrich C. (Ed.). *Totalitarianism*. Cambridge, 1954.

¹³ Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, 1956.

¹⁴ Friedrich C., Brzezinski Z. *Op. cit.* Revised edition. 1961. P. 150.

¹⁵ Brzezinski Z. *The Permanent Purge. Politics in Soviet Totalitarianism*. Cambridge, 1956. P. 17, 131.

¹⁶ Friedrich C., Brzezinski Z. *Op. cit.* P. 137.

¹⁷ Арендт Х. Указ. соч. С. 20.

¹⁸ Brzezinski Z. *Ideology and Power in Soviet Politics*. N.Y., 1962. P. 18.

¹⁹ Ibid. P. 19-20, 25, 29.

²⁰ Ibid. P. 65-67.

²¹ Ibid. P. 23-25.

²² Арендт Х. Указ. соч. С. 17-18.

- ²³ Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarianism is a Unique Type of Society*. — In: Mason P. (Ed.). *Totalitarianism: Temporary Madness or Permanent Danger?* Boston, 1967. P. 6-7.
- ²⁴ Ibid. P. 6, 8-10.
- ²⁵ Brzezinski Z. *Ideology and Power in Soviet Politics*. P. 76, 89.
- ²⁶ Арендт Х. Указ. соч. С. 9.
- ²⁷ Brzezinski Z. *Op. cit.* P. 22, 34, 35, 44-45, 48-50, 71, 72, 76, 88; Арендт Х. Указ. соч. С. 7.
- ²⁸ Friedrich C., and Brzezinski Z. *Totalitarianism is a Unique Type of Society*. P. 7-9.
- ²⁹ Арендт Х. Указ. соч. С. 12.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Андерсон Р. Д. Тоталитаризм: концепт или идеология? // «Полис». 1993. № 3. С. 98-106.
- ³² Там же. С. 104, 107.
- ³³ Meyer A. *Communism*. N.Y., 1967. P. 10, 118.
- ³⁴ Ibid. P. 119-122.
- ³⁵ Inkeles A. *Social Change in Soviet Russia*. Cambridge, 1968. P. 67-68, 72, 73, 77.
- ³⁶ Tucker R. *Toward a Comparative Politics of Movement — Regime* // «The American Political Science Review», 1961. P. 288-290, 293, 295.
- ³⁷ Opocher E. *Genezis of Totalitarianism in Democratic Societies*. — In: *Political Thought Since World War II*. London, 1964. P. 58-61.
- ³⁸ Daniels R. V. *Soviet Power and Marxist Determinism* // *Problems of Communism*. 1960. Vol. IX (May June). № 3. p. 18.